

Патриция Мойес

Специальный парижский выпуск

Мойес П.

Специальный парижский выпуск / П. Мойес —

Вспышки фотокамер, сияния софитов, лучшие модели мира, блестящая публика... А в первых рядах – Главные редакторы глянцевого журналов – законодатели Моды: это Они сообщают миру о Стиле сезона. И каждый пытается сделать это раньше и лучше других... Но модельный бизнес – мир жесткой конкуренции, и интриги его неотъемлемая часть. Лондон. Редакция журнала "Стиль". Идет напряженная подготовка экстренного номера о парижском дефиле, но ключевую фигуру, от которой зависит этот выпуск, "выводят из игры". Судьба номера под угрозой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Специальный парижский выпуск

Патриция Мойес

Глава 1

– Не стану я этого делать! – кричал Патрик Уэлш. – Это неприлично, отвратительно! Если под такое уродство вы дадите двойной разворот, я ухожу.

Он суетливо метался по комнате и даже попробовал вырвать клочок волос из своей все еще буйной шевелюры.

Но Марджори Френч твердо стояла на своем.

– Нет, это модная линия и модная длина, Патрик, – сказала она, разглядывая фотографию. – Эта модель будет производить потрясающий эффект и станет главным событием номера. Конечно, ее не назовешь в привычном смысле слова красивой...

– Красивой! – заорал Патрик, воздевая вверх свои огромные ручки. – Кто сказал, что мне нужны красивенькие картинки? Но я хочу, чтобы в модели была хоть какая-то форма... – Он вдруг понизил голос до вкрадчивого шепота:

– Марджори, милая, послушайте, вы прелестная женщина и к тому же начальство. Пожалейте хоть немного беднягу художественного редактора. Не могу я всадить на двойной разворот этот..., этот пудинг на ходулях.

Наступило напряженное молчание, в соседней комнате Тереза Мастере устало улыбнулась.

– «Тетушка» невозможен. По-моему, мы проторчим тут всю ночь. – Она закурила сигарету и присела на стол, покачивая красивыми ногами.

– Я-то уж, конечно, до утра застряну, – резко сказала Элен Пэнкхерст. – Как всегда. Вы закончите работу, а моя только начнется. – Она громко высморкалась и надела большие очки в оправе из искусственных бриллиантов. – Будь добра, слезь со стола, Тереза. Ты села прямо на подписи.

Дверь в смежную комнату отворилась, и отчетливый голос сказал:

– Мисс Мастере, не зайдете ли вы на минутку к главному редактору?

– С удовольствием, мисс Филд, – ответила Тереза. – Ну вот иду на бой.

Она скрылась за дверью.

– Тереза, дорогая, – донесся спокойный и твердый голос Марджори Френч, – Патрику не нравятся материалы Монье. Я хотела бы знать ваше мнение...

Дверь за Терезой закрылась.

Элен Пэнкхерст взглянула на часы. Половина двенадцатого, а еще нет ни одного листа макета.

На освещенной фонарями улице швейцар ресторана «Оранжери», казавшийся совсем маленьким под большим черным зонтом, ловил такси. Усталый, продрогший человек в потертом пальто сидел возле корзины оранжерейных роз. Мостовая поблескивала под январским дождем, как черный атлас.

Половина двенадцатого, вся ночь впереди. Лишь одно окно светилось над рестораном, прямо напротив Элен.

Но здесь в особняке, где размещается редакция популярного журнала «Стиль», все комнаты освещены, и жизнь кипит. В эту ночь редакция готовила специальный выпуск с материалами парижской коллекции мод – событие, из-за которого два раза в год часть сотрудников не расходится до рассвета. Всю ночь в редакции идет работа и не смолкают споры, чтобы в зараннее назначенный день читатели смогли насладиться полученными из Парижа репродукциями

и указаниями законодателей моды, с которыми их познакомит самый элегантный из модных журналов.

Но читатели в отличие от Элен не поймут, какие огромные усилия требуются, чтобы выпустить шестнадцатистраничное издание журнала на две недели раньше срока. Они и знать не знают, что изумительные репродукции, безупречная цветная печать и красивый набор являются результатом кропотливой длительной работы. «И не досадно ли, – думала Элен, – что самые ответственные в году выпуски создаются наспех среди нескончаемых перепалок, когда нет времени что-нибудь изменить и исправить».

Еще сегодня днем представители «Стиля», сидя в неудобных позолоченных креслах, присутствовали на заключительном показе. Лишь в шесть вечера в последний раз щелкнула камера Майкла Хили, снимавшего Веронику Спенс. Тоненькая и изящная, в шифоновом вечернем платье от Монье, она красовалась на верхней площадке Эйфелевой башни. Только в девять часов усталые Тереза и Майкл, сопровождаемые невозмутимой, энергичной Рэчел Филд – личным секретарем главного редактора «Стиля», – выходили из самолета в лондонском аэропорту. Только в половине одиннадцатого еще влажные фотографии были положены на стол Патрика Уэлша.

А сейчас половина двенадцатого, и в кабинете главного редактора, как всегда, бушует спор, а спорщики, как обычно, выходят из себя, кричат. Какие фото напечатать, какие дать заголовки? Что будет гвоздем номера? В чем выразились новые тенденции моды, а что является лишь неудачным экспериментом?

Привлекательная, белокурая Тереза Мастере окончила один из лучших в стране частных пансионатов, почему и осталась недоучкой. Но веянья моды она чувствует как бы кончиками своих удлинённых пальцев, так художник чувствует цвет, а скульптор – форму и материал. Тереза знает все ответы на вопросы, но ей трудно их сформулировать. Патрик Уэлш знает, как эффектнее расположить на полосе материал. А отвечает за все главный редактор Марджори Френч. Они еще не один час протспорят.

Тем временем Элен должна сидеть и ждать, когда ей передадут законченный макет журнала. Лишь после этого она напишет заголовки и разместит их там, где Патрик оставил место. Потом ей предстоит из бессвязных заметок Терезы вывести точку зрения «Стиля» на новый силуэт, предложенный Монье. И на перспективы отделки зубчатой каймой... К семи часам утра вся эта лихорадочная ночная неразбериха должна оформиться в аккуратно отпечатанные заголовки – каждый с фотографией и текстом. Курьеру только останется отнести их в типографию. Слава богу еще, что все это обрушивается на Элен только дважды в год.

Она высморкалась и, наливая себе чай из старенького красного термоса, с раздражением обнаружила, что там, осталось не больше чем полчашки. По внутреннему телефону она набрала номер фотолаборатории.

– Алло, – ответил мрачный голос.

– Эрни, это мисс Пэнкхерст. Пожалуйста, зайдите. И побыстрее! – резко сказала Элен и повесила трубку.

Через две минуты явился угрюмый взъерошенный Эрни и унес термос.

У Элен болела голова; она подумала, что ко всем волнениям и неприятностям этой ночи ей не хватает только простуды.

Она чувствовала себя сейчас много старше своих тридцати четырех лет, и ей очень хотелось лечь в постель. "Но вместо этого Элен допила чай и принялась расшифровывать не слишком грамотные, но колоритные записи Терезы: «Шляпы как тарелки. Оч, важно... Цвета боя быков... Классическое свободное пальто, искромсанное снизу ножницами...»

Все это звучало живо и выразительно, и Элен было досадно, что нельзя напечатать эти заметки в первоизданном виде. Она принялась переводить их на язык «Стиля»: «Демонстрируются шляпы, похожие на летающие блюда... Цветовая гамма от глубокого черного – цвет ман-

тильи – до ярко-красного, как костюм пикадора, оттеняется живым блеском золота... Пальто с оригинальной линией «под оборванца»...

Она снова высморкалась и пожалела, что не захватила с собой аспирина. Было около полуночи.

В соседнем кабинете Тереза и Патрик ползали среди разбросанных в беспорядке фотографий и листов макета по устилавшему пол фиолетовому ковру.

– Отрежьте шляпу! – гремел Патрик.

– Ни за что, – отвечала Тереза. – В этом году самое главное – шляпа.

– Ладно, – злился Патрик, – будь по-вашему. Можете лепить свою корзинищу хоть на весь разворот.

Дверь, ведущая в художественную редакцию, тихо отворилась, вошел Майкл Хили – высокий, худощавый, элегантный. Его длинное лицо осунулось от усталости, волосы были взлохмачены, пиджак он снял.

– Я, конечно, всего лишь фотограф, – сказал он язвительно. – Но не сообщите ли вы мне, черт побери, что вы собираетесь сделать с этой фотографией? Я сниму свою подпись.

– Постойте, Майкл, – Марджори Френч откинулась в кресле. – Давайте-ка подумаем. Вы считаете, что если эту фотографию подрезать, она пропадет? Я согласна с вами.

– Спасибо, Марджори.

– Сделаем так: это фото не тронем. Шляпу дадим крупным планом на всю полосу. А шифоновый туалет от Монье вообще уберем. Вы будете очень огорчаться, Тереза?

Тереза задумалась.

– Пожалуй, нет, – сказала она наконец.

– Марджори, милая, вы гений! – Патрик встал с пола и гаркнул:

– Дональд!

Из дверей художественной редакции пулей выскочил темноволосый молодой человек.

– Возьми весь этот сор, шотландская твоя душа, и поскорей сожги! – весело крикнул Патрик, сгребая с пола кучу бумаг. – И побыстрее увеличивай Диора, мы его подклеим....

Он исчез в своем кабинете. Марджори Френч улыбнулась так весело и молодо – трудно было поверить, что ей уже под шестьдесят.

– Теперь можно передохнуть, – сказала она. – Я, пожалуй, пойду в комнату отдыха.

Она встала, очень прямая, подтянутая, ни один волосок не выбивался из ее подсиненной прически.

– Майкл, вы отпустили Эрни? В фотолаборатории, наверное, все сделано.

– Он уже десять минут как смылся.

Когда дверь за Марджори закрылась, Майкл сказал:

– Надеюсь, она здорова. Никогда еще не видел ее в таком... Тереза зевнула и потянулась.

– Она же не сверхчеловек, мой милый, хотя многим почему-то именно так кажется. Она устает, как все мы, просто виду не показывает. Как ни печально, Марджори очень зависит теперь от Элен...

Громкий стук машинки напомнил Терезе и Майклу, что они забыли о присутствии в кабинете третьего лица: Рэчел Филд. Тереза слышала, что секретаршу главного редактора считают строгой и придирчивой, но сама она не знала Рэчел с этой стороны. Ее положение в редакции – Тереза возглавляла отдел мод – ограждало ее от знакомства с неприятными чертами характера секретарши.

Что касается Рэчел, то она относилась к мисс Мастере со скрытой неприязнью. Вот мисс Френч – это начальница, сотрудничеством с которой можно гордиться. Добрая, иногда даже слишком добрая, по мнению Рэчел, но решительная, знающая и с должным уважением относится к тому образцовому порядку в бумагах и делах, который навела здесь Рэчел Филд. А мисс

Мастере..., рассеянная, безответственная, избалованная. И еще смеет обсуждать мисс Френч. Рэчел со злостью ударила по клавишам машинки.

– А знаешь, – заметил Майкл, – я, пожалуй, тисну новый отпечаток шляпы. Этот темноват. – Он поднял снимок с пола. – Удивительно все-таки сложена эта Вероника. Я мог бы кое-что сделать из нее.

– Не сомневаюсь, – со смешком ответила Тереза.

– Вовсе не то, что ты думаешь.

И, поцеловав ее, Майкл вышел. В художественном отделе он прошел мимо Патрика Уэлша и Дональда Маккея, окруженных фестоном снимков, и укрылся в своих владениях – в уютной полутьме фотолаборатории.

Часы показывали полпервого ночи.

Марджори Френч лежала на кушетке в комнате отдыха, пытаясь побороть усталость. Она чувствовала себя старой и больной. Много лет, гораздо больше, чем ей бы хотелось, участвовала она в этих ночных авралах и даже любила их. Еще в прошлом году она могла с легкостью загонять всю редакцию до полного изнеможения – сил у нее хватало. А нынешняя усталость пугала ее. Спасибо еще Терезе и Элен. Бедная Элен! У нее ясная голова и хороший литературный стиль, но чувство моды отсутствует начисто. Что поделаешь – не часто встречаются люди, в которых, как в самой Марджори, сочетаются все эти качества.

Марджори была достаточно умна, чтобы, не впадая в тщеславие, оценить свои достоинства. И оттого еще сильнее беспокоилась: кого назначить своей преемницей? Ей ведь вскоре придется уйти. Кто займет ее место – Тереза или Элен? На первый взгляд из Терезы никогда не выйдет главный редактор. Ей не хватает усидчивости, такта, чувства ответственности, порой она ленится – и все же в ней есть то, что более всего нужно журналу и без чего он погибнет.

Элен, казалось бы, подходит больше, но она не может угадать, что будет гвоздем сезона. И еще одно: Марджори знает, что Элен предана журналу и будет спокойно работать и под руководством Терезы. А вот Тереза ясно дала понять: если редактором будет Элен, она тут не останется.

Марджори закрыла глаза и, как велел ей доктор, расслабилась. Но, услышав где-то совсем рядом торопливый стук машинки, подняла голову. Конечно, это не мисс Филд – она слишком далеко. Печатают в соседней комнате, у Олуэн.

Марджори сердито поднялась с кушетки и вышла в коридор. Так и есть: в комнате Олуэн горит свет.

Олуэн Пайпер, редактор отдела искусств, выглядела весьма эксцентрично. Некрасивая, в ярко-оранжевом вечернем платье, которое ей вовсе не шло, и в больших роговых очках, она с усердием стучала на машинке. Чтобы чувствовать себя удобнее, она даже разулась. На полу валялись парчовые туфли, а рядом с ними небрежно сброшенная белая мохеровая шаль.

Олуэя не слышала, как отворилась дверь. Лишь когда Марджори строго ее окликнула, девушка удивленно подняла глаза.

– Что вы здесь делаете, Олуэн, в такое время?

– Извините, мисс Френч, я не хотела... – смутилась Олуэн.

– Некоторым из нас пришлось остаться допоздна, так как готовится парижский выпуск, – сказала Марджори. – Но вы едва ли так уж перегружены работой.

Олуэн покраснела.

– Нет, нет..., конечно, нет. Я только..., ну... Я сейчас видела премьеру «Люцифера»... И я в таком восторге!.. – Олуэн сняла очки. Ее смущение прошло, и она сияла от возбуждения. –

Это огромное событие в истории английского театра, мисс Френч. Я просто должна была все записать, под свежим впечатлением...

– Апрельский номер уже распланирован.

– Мисс Френч, я знаю, но Джона Хартли непременно нужно снять в этом замечательном гриме. Я видела его после спектакля, и он обещал рассказать, как он – актер антибрехтовской школы – понимает пьесу.

– Вы молодчина, Олуэн. Поздравляю, – Марджори постаралась, чтобы голос ее прозвучал тепло и дружелюбно. – Мы дадим ваш материал в апрельском номере. Но, право, вам пора домой. Не нужно переутомляться.

– О, что вы, я люблю работать по ночам...

Марджори Френч взглянула на взволнованное молодое лицо, на безнадежно безвкусное, закапанное чернилами платье, на неуклюжие ноги-тумбы – и как бы узнала себя в свои двадцать два года, нескладную выпускницу Кембриджа, окончившую курс с отличием и страстно увлеченную вечными проблемами искусства.

Но отражение в стенном зеркале глядело на нее с безжалостной насмешкой: элегантная, затянутая в корсет дама с подсиненными волосами...

– Мода – это тоже искусство, – сказала она вслух.

– Конечно, мисс Френч, – вежливо согласилась Олуэн.

Марджори попрощалась и быстрыми шагами направилась в свой кабинет.

Половина второго. Страсти мало-помалу улеглись, и все почувствовали, как они устали. Не без едких замечаний были наконец одобрены последние листы макета, и фотостат закрыли чехлом до утра. Дональд Маккей вытер лоб и натянул пиджак. Патрик Уэлш мог теперь со спокойной совестью глотнуть ирландского виски из спрятанной в нижнем ящике стола фляжки, после чего тихонько засвистел себе под нос. Патрик был доволен вечером, он от души наслаждался этими темпераментными поединками, из которых почти всегда выходил победителем.

В комнате отдыха Тереза Мастере пудрила свой изящный носик. Майкл Хили, расчесав прямые светлые волосы, с огорчением заметил, что красная гвоздика у него в петлице завяла. Марджори Френч поправила шляпу и попросила Рэчел Филд вызвать по телефону такси. Затем, чувствуя себя немного виноватой, она вошла в кабинет Элен.

Та сидела за машинкой. Ее стол был завален грудой бумаг и листов макета. Темные волосы Элен растрепались, росинки пота на остром, немного длинноватом носу блестели почти так же ярко, как искусственные камешки в оправе ее очков.

– Мне очень не хочется оставлять вас одну, дорогая Элен, – начала Марджори. – Может быть, мне остаться и помочь вам?

– Нет, спасибо, Марджори, – сухо вато отказалась Элен. – Когда вы все уйдете, я смогу наконец спокойно поработать.

– Ну ладно, – согласилась Марджори, – но завтра вы непременно должны взять выходной.

– Боюсь, что не смогу. Завтра надо представлять апрельские модели. Я приму ванну, позавтракаю и вернусь.

Марджори неохотно удалилась. Элен вставила в машинку чистый лист бумаги и написала: «В Париже утверждают, что весной будут в моде отрепья и лохмотья...»

В этот момент появился Годфри Горинг, директор издательства «Стиль». Ему едва перевалило за пятьдесят, и его респектабельная внешность – седые волосы и внушительная осанка – давала верное представление о роде его занятий: деловой человек с головы до ног. Несколько лет назад, когда журнал испытывал серьезные затруднения, Горинг сумел вытащить «Стиль» из беды. И удалось ему это потому, что он ни в чем не мешал своим сотрудникам. Гордясь тем, что у него в журнале работают крупнейшие специалисты эфемерного искусства моды, он предоставлял им полную свободу действий. Мирился с их горячими темпераментами, выходками и терпимо относился к самым сумасбродным идеям. Успех или неудачу этих идей он оце-

нивал просто: в зависимости от заказов, поступающих от владельцев крупных фирм готового платья, модели которых продаются по самым высоким ценам. Лишь когда доходы начинали падать, он позволял себе давать осторожные рекомендации своим редакторам.

К счастью, делать это приходилось редко. И тем не менее без его незаметного руководства журнал мог снова оказаться в прежнем неустойчивом положении. Из всех его подчиненных лишь Марджори Френч понимала это. И она была, как часто подчеркивал Горинг, самым ценным достоянием «Стиля». Марджори точно и безошибочно предугадывала направление моды, и в то же время Горинг смог спокойно доверить ей административные и финансовые дела компании, когда год назад летал в Америку. Годфри Горинг был очень высокого мнения о Марджори.

Ценил он также бескорыстную преданность делу других сотрудников, способных на такие вот ночные авралы. Этой ночью ему захотелось как-то их вознаградить.

В ресторане «Оранжери» только что закончился деловой ужин, который был дан Хорэсу Барри – владельцу фирмы готового платья «Барри-мода». Горингу удалось запродать ему под многокрасочную рекламу несколько страниц в ближайших номерах. За кофе к ним присоединился Николас Найт – одаренный молодой художник-модельер, про которого говорили, что он вскоре войдет в Большую Десятку законодателей моды. Салон, ателье и квартира Найта были расположены над рестораном «Оранжери», как раз напротив редакции «Стиля».

В половине второго, когда ресторан уже закрывался, Годфри предложил своим собеседникам поехать к нему домой пропустить по последнему стаканчику на сон грядущий. Стоя на залитой дождем мостовой, он заметил, что окна редакции все еще светятся. В эту минуту парадная дверь отворилась, и на улицу вышел Дональд Маккей. Поеживаясь, он приподнял воротник плаща. Горинг сразу узнал его.

– Ну как там дела?

– Все в порядке, сэр. Мы только что закончили. Кроме, конечно, мисс Пзнкхерст.

– А, прекрасно. Доброй ночи, Маккей.

Дональд поспешил прочь, а Годфри вернулся к своей машине. Именно в этот момент ему захотелось пригласить к себе всех оставшихся сотрудников.

Дональд уже захлопнул входную дверь, но у Горинга был свой ключ. Он вошел в парадное, потом в лифт и поднялся на четвертый этаж.

Он появился как раз вовремя: мисс Филд только что сообщила Марджори, что вызвать такси не удастся.

– Дорогие мои труженики! – начал он. – Сейчас вы все поедете на моей машине ко мне, на Бромптон-сквер. Мы выпьем шампанского, а затем Баркер развезет вас по домам. Никаких возражений!

Он обвел глазами комнату и прикинул в уме: Барри с Найтом уже поехали к нему домой в машине Найта, значит, кроме него самого – раз, два, три, четыре, пять человек... Пять? – как всегда, он не заметил мисс Филд.

– И мисс Филд, конечно, тоже едет с нами. Вы согласны, мисс Филд? Я себе представляю, сколько вам пришлось поработать, наша незаметная героиня!

– Большое спасибо, мистер Горинг, но я, пожалуй, откажусь. Мне нужно домой. Ведь я приехала сюда прямо с парижского самолета. Мой чемодан еще здесь...

– Господи, подумаешь, – перебила Тереза. – Наши с Майклом вещи тоже здесь., Я и забыла о них. Они там, в темной комнате, да, милый? Годфри Горинг нахмурился.

– Мы-то все поместимся, но боюсь, для багажа уже не найдется места, – сказал он. – А почему бы вам не оставить здесь чемоданы до завтра? Это, куда удобнее. Ну пойдемте! И вы тоже, мисс Филд. Я настаиваю, Я просто требую.

Несколько минут спустя все шестеро разместились в темно-сером «бентли», который урчал у входа. Годфри включил скорость, и машина двинулась по мокрой улице. Но перед этим

Годфри выручил продавца роз – взял три последних букета и преподнес их Марджори, Терезе и Рэчел.

В «Оранжери» усталые официанты опускали жалюзи, подсчитывали чаевые. Олуэн Пайпер, оторвавшись от машинки, взглянула на часы и с удивлением увидела, что уже десять минут третьего. Взяв большой словарь, она с радостью убедилась, что правильно употребила два слова, в значении которых сомневалась. Театральному критику постоянно приходится выкапывать слова, которые не слишком часто употребляются другими авторами.

А в противоположном конце коридора Элен Пэнкхерст закончила введение к материалам парижской коллекции. Она слышала голос Годфри Горинга и обрадовалась, что он и остальные укатили и оставили ее в покое. Теперь можно взяться за подписи.

«Монье берет полосу шелка цвета баклажана, добавляет крошечные бриллианты, взбивает все это в легчайшую, похожую на меренгу шляпку...»

Она чихнула, снова высморкалась и вдруг почувствовала, что озябла, хотя в комнате было тепло. Она встала, чтобы включить электрокамин, и, наткнувшись на что-то, с досадой увидела, что это чемодан. Не новый, но из хорошей кожи, с потускневшими золотыми инициалами «Р. Ф.» на крышке. Один из замочков расстегнулся, и из-под крышки высовывался кусок оберточной бумаги. Элен хотела защелкнуть замок, но расстегнулся и второй. Крышка отскочила, и несколько предметов выпало на пол. Элен слишком устала и слишком спешила, чтобы закрывать этот набитый чемодан.

Спустя некоторое время Элен прервала работу, подыскивая синоним к слову «белый», и вдруг вспомнила, что Эрни так и не принес ей термос. Тогда она прошла по коридору в темную комнату. В кладовке ее внимание привлекли еще два чемодана, почему-то стоявшие под водопроводной раковиной. Один был из добротной свиной кожи с инициалами «М. Х.». Второй – белый с большой пунцовой наклейкой, на которой было нацарапано: «Тереза Мастере. Отель «Крильон». Париж». Элен не знала, как ей быть: в одном из этих чемоданов наверняка лежала вещь, которую ей не терпелось получить. Она тронула замок. Чемодан не был заперт. Элен открыла его, нашла то, что ей было нужно, и опять закрыла. Затем, забыв про термос, вернулась к себе.

Вскоре она услышала шаги в коридоре и почти не удивилась, увидев направлявшуюся к лифту Олуэн Пайпер.

– Доброй ночи, Элен! – крикнула Олуэн. – До завтра. Элен не ответила. Она была занята обманчиво-простеньким «маленьким» черным платьем от Монье из шелка с мохером. Чуть позже она услышала, как стукнула дверь лифта, и мысленно отметила, что Олуэн наконец ушла. Несколько часов спустя, когда ей оставалось придумать еще кучу подписей, Элен вдруг сильно захотелось чаю, и она опять отправилась искать свой термос. Держа в руках пачку заметок и читая их на ходу, она дошла до темной комнаты, где обнаружила термос, стоявший рядом с чайником, и, значит, уже полный. Снова уткнувшись в заметки, она возвратилась в кабинет, поставила термос на стол и налила себе чашку чаю.

Вставив чистый лист в машинку, Элен принялась печатать. На минуту задумалась над словом и, не сводя глаз с текста, протянула руку к чашке, и жадно выпила. Это было в половине пятого.

Молодой курьер из типографии «Пикчюрал Принтерз Лимитед» был вне себя. Утро выдалось скверное, хмурое, моросил мелкий дождик, а он с семи часов, как ему было ведено, торчал возле дверей редакции. Прошло уже минут пятнадцать, а входные двери все не открываются, в вестибюле темно и пусто. Он снова нажал кнопку звонка. Непохоже, что наверху никого нет, – одно из окон на четвертом этаже светится. Посыльный скорей удивлялся, чем злился. Он уже два года обслуживал «Стиль», и каждый раз все шло точно по расписанию. В Сиденхэме ждали наборщики, и если материал задержится в редакции, его просто не успеют

напечатать. Восемь часов – крайний срок. Зная, как забиты в этот час улицы машинами, он чувствовал, что не успеет.

– Небось заснула, чертова баба, – бормотал он под нос. Посыльный знал, что Элф, швейцар, приходит лишь к восьми, чтобы впустить в помещение орду оживленных уборщиц. – Что же делать?

Он вышел на мостовую и оглушительно свистнул. Никто не шелохнулся, только вынырнул продрогший и, как видно, заскучавший полисмен.

– Что случилось, приятель? – спросил он дружелюбно.

– Я ровно в семь должен забрать отсюда срочный материал, а они там заснули.

– Ну из-за этого все же не стоит будить весь квартал, – благодушно сказал полисмен. – Знаешь что, тут во дворе есть телефонная будка. Поди да позвони – они и проснутся. А я посторожу твой мотоцикл.

– Спасибо, друг! – И курьер торопливо нырнул в подворотню. Вскоре полисмен услышал настойчивые звонки внутри здания. Это продолжалось минуты две. Затем вернулся огорченный курьер.

– Боюсь, сынок, я не смогу тебе помочь. – Полицейский, как видно, и впрямь ему сочувствовал:

– Подожди пока кто-нибудь придет с ключом.

Он усмехнулся и двинулся дальше в поисках беспорядков и преступлений. В половине восьмого курьер позвонил в Сиденхэм, и его обругал старший наборщик. Можно подумать, что это он во всем виноват!

...Без десяти восемь, когда улица проснулась, зашевелилась и потянулась за бутылками с молоком, припелся Элф, ворчливо жалуясь на плохую погоду и ревматизм.

– Ты не волнуйся, – ободрил он парня. – Сейчас поднимусь наверх, посмотрю, в чем там дело. А ты войди пока что, обогрейся. Старик отпер дверь и вошел в лифт.

– Я мигом, – сказал он.

В самом деле, минуты через полторы лифт снова был уже внизу. Элф выскочил оттуда испуганный, бледный. Он схватил курьера за руку.

– Полицию! Доктора!.. Быстро!

– Что там стряслось?

– Мисс... Мисс Пэнкхерст... С ней что-то страшное... Мне кажется, она.., мертвая...

– А где мой пакет?

– Какой еще, к черту, пакет! – Элф немного пришел в себя. – Зови полицейского, парень! Говорю тебе, она умерла.

Глава 2

«Париж. Отель „Крильон“

Понедельник.

Дорогая тетя Эмми!

Еле нашла время черкнуть Вам несколько строк. Мне никогда еще не приходилось столько работать. Когда-то мне казалось, что быть манекеницей легко – знай красуйся себе в роскошных туалетах! Мы почти весь день провели на самом верху Эйфелевой башни (хорошо еще, что я не боюсь высоты), а прямо оттуда – в студию, где черт те что творилось. Я так устала, что едва держалась на ногах. Но какие платья! Мне очень повезло, что я работаю для «Стиля», – у них все такие симпатичные. Мисс Мастере я нисколько не боюсь, а Майкл Хили просто душечка. Вы помните, как я дрожала при мысли, что мне придется с ним работать. Мисс Филд тоже очень добра ко мне. Я ее сначала побаивалась, но она молодец, такая энергичная – без нее мы бы ни за что не получили модели из салонов – она просто отвоевала их.

Мне бы хотелось побыть тут хоть немножко и посмотреть Париж, но завтра вечером мы улетаем домой, а в среду утром я опять буду занята в «Стиле».

Крепко целую Вас и обнимаю, дорогая тетя Эмми! Большой привет дяде Генри. Можно будет забежать к вам, когда я вернусь?

Ронни».

Это письмо Эмми Тиббет читала с улыбкой. Она очень любила свою племянницу и крестницу – дочь сестры. На ее глазах Вероника из неуклюжей школьницы превратилась в ослепительную красавицу. И это она, Эмми, поддержала девочку, когда в семнадцать лет та заявила, что ей до смерти хочется стать манекеницей.

Старшая сестра Эмми – Джейн вышла замуж за фермера Билла Спенса и жила в тихой девонширской деревушке, где главным событием года была приходская выставка цветов. Естественно, что родители Вероники были просто ошарашены затеей дочери. Они тут же обратились к Эмми с просьбой «вразумить девчонку».

Но Эмми их не поддержала. Она рассуждала практически.

– Послушай, Джейн, – сказала она сестре. – Давай смотреть правде в лицо. Способности у Ронни средние. Что ее ожидает? Окончит курсы секретарши, как миллионы других, будет томиться в какой-нибудь пыльной конторе.

– Но быть манекеницей...

– Быть манекеницей, – с лукавой улыбкой перебила ее сестра, – это весьма уважаемое занятие. Надеюсь, ты не думаешь, что она будет позировать голая?

Джейн покраснела.

– Н.., нет. Ну, как хотите... Тебе виднее, Эмми.

Так началась карьера Вероники Спенс. Через полгода ее записная книжка была сплошь заполнена заказами. А в девятнадцать лет, то есть сейчас, она удостоилась высокой чести быть посланной в Париж и демонстрировать туалеты для «Стиля». Полгода назад она переехала в маленькую квартиру на Виктория-гров, где поселилась с другой манекеницей, избалованной и непоседливой, как котенок, зеленоглазой и черноволосой Нэнси Блейк.

А у Вероники волосы золотистые, нежная кожа, так и не потерявшая деревенского загара, всегда широко открытые светло-карие глаза. Этакая сельская красавица, простая и безыскусственная, глядя на которую вспоминаешь запах сена, жимолости, свежее испеченного хлеба. Как раз такую модель ищут фотографы. В девятнадцать лет Вероника зарабатывала почти вдвое больше своего знаменитого дядюшки – Генри Тиббета, старшего инспектора Скотланд-Ярда.

Но, несмотря на это. Вероника оставалась простой, восторженной и неиспорченной. Девушка никогда не забывала, что, если бы не тетя Эмми, ее жизнь была бы совсем не такой интересной. Поэтому даже среди столпотворения парижского показа мод она выкроила время, чтобы написать любимой тетке.

Эмми снова перечитала письмо племянницы. Возвращаются они во вторник. Сегодня среда, значит, Вероника уже дома...

Но тут раздался телефонный звонок. Это, конечно, Вероника. Как странно, почему она звонит утром, в самый разгар работы?

– Тетя Эмми! Ой, я так рада, что вас застала. Вы представляете, какой ужас! Дядя Генри уже здесь, и все просто с ума посходили. Ее только что отсюда унесли.

– Кого ее? О чем ты, Ронни?

– А вы еще не читали в «Стэндарде»? Здесь сейчас полно полицейских и репортеров....

– Вероника, что ты болтаешь! Хоть объясни, откуда ты звонишь.

– Конечно, из редакции. То есть из автомата с улицы. Дядя Генри сказал, что я могу вам позвонить...

– Дядя Генри? А как он оказался там, в редакции?

– Но ведь ее убили.

– Убили? Кого?

– Мисс Пэнкхерст, заместительницу главного редактора. Говорят, ее отравили, и, кажется, Тетушка (так мы зовем Уэлша) что-то знает, но не хочет сказать дяде..., то есть для Тетушки-то он не дядя...

– Послушай, Ронни, возьми-ка ты лучше такси и приезжай сюда, а то у меня голова идет кругом.

– По-вашему, я несу чушь? Видели бы вы, что тут творится! Ладно, тетечка, я у вас буду минут через десять...

Старший инспектор Генри Тиббет прибыл в редакцию «Стиля» в начале десятого. К этому времени на улице уже скопилась толпа, и несколько вежливых молодых констеблей уговаривали собравшихся разойтись. В остальном все выглядело вполне спокойно.

Войдя в старинный – восемнадцатого века – холл, Генри натолкнулся на охранявшего помещение сержанта.

– Рад вас видеть, сэр, – с чувством произнес сержант. – Нам здесь здорово достанется, уж это точно.

– Что вы имеете в виду?

– Женщины, – мрачно пояснил сержант. – Манекенщицы и прочие. Реву не оберешься.

– Я что-то никого не вижу. Куда вы их дели?

– Слава богу, они еще не приходили, – сказал сержант. – Тут пока только несколько уборщиц и швейцар, который нашел тело, сэр.

– А когда же придут все другие?

– Вообще-то, должны в девять тридцать. Но швейцар говорит, что сегодня кое-кто может опоздать.

– Почему?

– Они работали ночью, как я понял.

В это время возле входных дверей началась какая-то возня. Генри обернулся и увидел дюжего констебля, боровшегося с парнем в кожаной куртке. Сержант вздохнул.

– Видали? – И крикнул юноше в куртке:

– Сколько раз тебе говорить – марш отсюда!

– А пакет! – кричал парень. – Гоните пакет! Это же парижский. Он к восьми часам нужен.

– Вот псих, – флегматично заметил сержант. – Пока еще только один. А там подойдут и другие.

– Подождите минутку, – остановил его Генри и обратился к посыльному:

– Если я верно понял, вы должны были взять у них парижский репортаж и к восьми утра отнести в типографию?

– Да, сэр, – оживился посыльный. – Это очень срочно. Вы не можете добыть его для меня?

– Срочно-то срочно, – сказал Генри, – да здесь, видите ли, случилось несчастье. Умер человек. Лучше позвоните в типографию, предупредите их. А я постараюсь сделать что возможно.

– Спасибо, сэр! Вы сразу увидите наш пакет. Он должен быть в кабинете редактора, и на нем надпись: «В типографию».

Курьер продолжал еще что-то кричать и тогда, когда Генри с сержантом вошли в лифт.

– Ну а теперь, – сказал Генри, – введите меня в курс дела. Рядом с огромным сержантом он выглядел малорослым и неказистым. Ничем не примечательный немолодой мужчина лет за сорок, голубоглазый, со светлыми, чуть рыжеватыми волосами. Манеры скромные, голос тихий. Он казался нерешительным и робким. Но внешность эта была так же обманчива, как обманчиво простенькими кажутся «маленькие» черные платья от Монье.

Сержант, прекрасно зная, что обязан доложить обо всем четко и подробно, стал рассказывать, тщательно подбирая слова.

– Хатчинс, дежурный по этому кварталу, позвонил нам в участок в семь пятьдесят шесть, – начал он. – Тот парнишка выбежал из здания и чуть его с ног не сбил. Хатчинс с ним и раньше разговаривал – примерно в четверть восьмого, когда этот парень чуть не перебудил весь квартал. Теперь ясно, что дама, которая должна была отдать ему его драгоценный пакет, была уже мертва. Хатчинс тогда взялся покараулить его мотоцикл, пока курьер звонил в редакцию по телефону. Но никто, конечно, не ответил, и только позже, без десяти восемь, Элфред Сэмсон, швейцар, вошел в здание и поднялся посмотреть, в чем там дело. Он-то и увидел первым, что эта дама умерла. Цианистое отравление. Это уж точно. Сейчас ее осматривает доктор. Но я помню тот прошлогодний случай – это циан, точно вам говорю.

– А кем она у них работает..., работала? Сержант заглянул в свой блокнот.

– Мисс Элен Пэнкхерст, заместитель главного редактора. Вот почти все, что мне удалось выяснить, пока не нагрянули уборщицы. Наверх я их, конечно, не пустил, а задержал в приемной на случай, если вы захотите с ними потолковать.

– Что еще вы сделали?

– Позвонил главному редактору – мисс Марджори Френч. Она сейчас будет здесь.

– Разумно, – одобрил Генри. – А что вам известно о родных погибшей?

– Пока ничего. Может быть, что-нибудь знает мисс Френч. Я решил не трогать сумочку умершей и в столе ничего не смотрел.

Лифт мягко остановился на четвертом этаже. Генри вышел и огляделся.

«Стиль» размещался в старинном доме. Было заметно, что эту старину, несмотря на требования времени, бережно охраняют и поддерживают. На дверях – обрамленные позолоченными рамками, со вкусом сделанные таблички: «Мисс Элен Пэнкхерст, заместитель главного редактора», «Мисс Тереза Мастере, редактор отдела мод». В конце коридора еще одна дверь с надписью: «Мисс Марджори Френч, главный редактор». А на противоположной двери простая деревянная дощечка с одним словом: «Моды». И два объявления, прикрепленные лейкопластырем: «Посыльные и манекенщицы на примерку – сюда». И на втором: «Входите сразу. Если будете стучать, вас не услышат».

Сержант осторожно кашлянул.

– Она здесь, сэр. В своем кабинете.

– Расскажите-ка мне хоть немного, что это за ночная работа? – попросил Генри. – Эта мисс Пэнкхерст, очевидно, тоже участвовала в ней?

– Я мало что разузнал, сэр, – ответил сержант. – Вы лучше у самой мисс Френч спросите. Швейцар мне только объяснил, что все должны были работать допоздна, потому что готовился какой-то специальный выпуск. Он не знает точно, кто тут оставался, но говорит, что этими делами занимается всегда начальство, самая верхушка. А эта бедная леди должна была все написать. Поэтому она в таких случаях оставалась здесь на ночь и в семь часов утра вручала материал нашему приятелю – курьеру. Остальные уходили раньше. Это все, что я могу вам сообщить.

– Ну что ж, – сказал Генри, – давайте на нее взглянем.

Он открыл дверь кабинета.

Еслиходишь в комнату, где лежит труп, то вряд ли станешь обращать внимание на что-нибудь другое. И все же первое, что заметил инспектор, была вовсе не Элен, а царивший в кабинете беспорядок. Оба стола завалены грудями бумаг. Как будто какой-то сумасшедший разбросал их по комнате нарочно. И уж совершенно неожиданным было то, что творилось около стола Элен. Пол устлан женским бельем вперемешку с чулками, блузками, свитерами, бусами, головными щетками, которые вывалились, надо полагать, из пустого чемодана, стоящего посреди этого хаоса. Коробочка пудры открылась и усыпала всю комнату тонкой розовой пылью. Воздух был насыщен тяжелым, густым ароматом, исходившим от валявшегося на полу разбитого флакона духов с парижской этикеткой. Если добавить, что, кроме центрального отопления, в комнате горел еще и электрокамин, легко представить себе, как там было душно. Генри почувствовал, что его мутит.

А среди всего этого хаоса, уткнувшись лицом в клавиши машинки, сидела мертвая Элен. Генри увидел, что она была привлекательной женщиной. Темные волосы изящно уложены, стройная фигура. Одета в очень простую серую юбку и пушистый белый свитер. Даже сейчас во всем ее облике оставалась таинственная печать элегантности, которую в какой-то мере придавала всем сотрудникам работа в журнале «Стиль». Темно-серые замшевые туфли были мягки, как перчатки. Одна туфля валялась под столом рядом с такой же темно-серой сумкой. На столе лежали очки в усыпанной искусственными бриллиантами оправе. Левая рука Элен все еще покоилась на клавишах машинки, правой она продолжала сжимать обломок разбитой чашки – синей с белым. Подсохшая лужица чая темнела на пестрой циновке, а старый красный термос скромно стоял в дальнем конце стола.

– Здорово здесь воняет, верно? – поморщился сержант. – Я думаю, доктор радехонек был поскорее отсюда выбраться. Он, наверное, ждет вас в соседней комнате.

Генри рассеянно кивнул. Он смотрел на руки умершей, так не соответствовавшие ее элегантной внешности. Крепкие, с подстриженными ногтями, без лака. Рабочие руки... Обручального кольца не было. Затем он осмотрел машинку: клавиши тоже покрыты тончайшим слоем розовой пудры. А на вставленном в каретку листе напечатано: «Чернильно-синие розы, разбросанные по белому муслину, придают...» Здесь текст обрывался. Похоже, что тому парнишке долго еще придется ждать парижских материалов... Генри очень осторожно вынул из термоса пробку, предварительно обернув ее чистым носовым платком. Понюхав содержимое термоса, он убедился, что еще теплый чай сильно отдает горьким миндалем.

– Сомнений нет, – заключил он, – в термосе циан. Чай нужно послать на экспертизу, но я и так слышу, – он заткнул термос пробкой. – Фотографы и дактилоскописты уже все обработали?

– Да, сэр.

– Тогда пусть ее унесут. Но смотрите у меня: больше ничего не трогать. Я повидаюсь с доктором.

– Он там, сэр, в кабинете главного редактора, – сержант указал на дверь, ведущую в смежную комнату.

Когда начнут подходить сотрудники, задержите их внизу, пока мы тут не оглядимся.

Соседняя комната резко отличалась от кабинета Элен. Она была значительно больше и просторнее. На стенах картины, и среди них литография раннего Пикассо. Все здесь выглядело отменно аккуратным, вплоть до старательно отточенных карандашей и ровного ряда разноцветных шариковых ручек на обитом кожей столе. Таким и должен быть кабинет главного редактора. В то же время во всем ощущалось, что хозяйка кабинета – женщина.

Полицейский доктор, крупный мужчина с печальной физиономией озадаченной ищейки, сидел за столом.

– А, это вы, – протянул он разочарованно, будто никак не ожидал встретить здесь Генри. – Что ж, прекрасно. Мне ведь скоро нужно уходить – дела!

– Заключение готово?

– Да. Цианистое отравление. По всей видимости, яд положен в чай.

– Странно все же, что она не почувствовала запаха. Я уж думаю, не самоубийство ли?

Доктор покачал головой.

– У нее был сильный насморк. Едва ли она могла чувствовать хоть какой-нибудь запах или вкус. Похоже, что ее знобило. Иначе, зачем бы ей понадобилось включать электрокамин?

– Когда примерно наступила смерть?

– До вскрытия я не могу ответить точно. Что-нибудь между тремя и шестью часами утра. Можно ее увезти?

– Я уже приказал сержанту.

Доктор сморщил свою грустную физиономию в какое-то подобие улыбки, встал и направился к дверям. На пороге он столкнулся с сержантом.

– Простите, что беспокою вас, сэр, – сказал сержант, – мисс Френч пришла.

– Попросите ее сюда, – приказал Генри.

Глава 3

Инспектор не совсем ясно представлял себе, каким он ожидает увидеть главного редактора. Но в тот момент, когда вошла Марджори Френч, он понял, что она идеально подходит для этой роли. Все было как надо: безупречно сшитый костюм, большой гриб фетровой шляпы, слегка подсиненные седые волосы. И тонкие нервные руки, украшенные перстнем с огромным топазом, надетым на тот палец, где замужние женщины носят обручальное кольцо.

Трудно поверить, что эта пожилая женщина работала до поздней ночи. Еще труднее представить себе, что менее часа назад ее разбудили, чтобы сообщить ей об ужасном, неожиданном несчастье.

– Доброе утро, инспектор Тиббет, – быстро проговорила Марджори. – Какое страшное событие... Расскажите мне, пожалуйста, все подробно. Я постараюсь помочь чем могу. Сержант кое о чем уже сообщил мне, но ваше присутствие заставляет предположить, что смерть бедной Элен не была естественной.

Она села за стол и раскрыла массивный кожаный портсигар.

– Вы курите, инспектор? Будьте добры, присядьте.

Генри поблагодарил ее, с трудом поборов ощущение, будто это его пригласили для беседы. Опустившись в кресло, он внимательно взглянул на Марджори Френч. Ее руки слегка дрожали. Заметил он также и темные круги под глазами, которые не удалось полностью скрыть даже с помощью косметики. Пожалуй, Марджори слишком хорошо играла свою роль.

– Мисс Френч, боюсь, что ваша заместительница была убита.

– Вы в этом уверены? – невозмутимо спросила Марджори. – Значит, вы исключаете возможность самоубийства?

– А вы считаете, что у нее были причины?

– Я не сплетница, – медленно проговорила Марджори, – и никогда не лезу в частные дела моих сотрудников. Но порой не видеть что-то невозможно. Я считаю своим долгом сообщить вам – в последнее время я очень тревожилась за Элен. – Марджори замолчала. У Генри создалось впечатление, что ей крайне неприятно говорить на эту тему. Тщательно подбирая слова, она продолжила:

– Там, где мужчины и женщины работают вместе, время от времени неизбежно возникают какие-то привязанности. Мы не исключение. Наоборот, у нас все это даже чаще бывает, потому что служащие у нас мужчины – артистические, увлекающиеся натуры. А женщины, как правило, очень привлекательны. Вот и у Элен был довольно бурный роман с одним из наших фотографов. Его имя Майкл Хили...

– Но почему это могло заставить ее покончить с собой?

– Вероятно, потому, что дело обернулось скверно. Майкл по природе – волокита, не думаю, чтобы и в этом случае он затевал что-нибудь более серьезное, чем легкий флирт. Я сама была крайне удивлена, когда до меня дошли слухи об их романе. Элен – натура страстная и сильная. Последнее время она была просто сама не своя. Говорят, из-за того, что Майкл решил с ней порвать. Между нами говоря, я собиралась послать Майкла на несколько месяцев в Америку. Конечно, это вряд ли разрядило бы атмосферу в редакции...

– А в чем у вас тут дело, мисс Френч? Марджори немного помолчала. Затем взяла сигарету и, сделав глубокую затяжку, наконец выдавила из себя:

– Видите ли, Майкл Хили – муж Терезы Мастере, нашего редактора отдела мод.

– Вот как? Надо полагать, мисс Мастере и мисс Пэнкхерст не очень-то жаловали друг друга?

– Наоборот. Они были очень дружны.

– Довольно странно... Но почему вы в таком случае считаете, что неприятная атмосфера в редакции не разрядилась бы и после отъезда мистера Хили?

Марджори сосредоточенно разглядывала свои ногти, покрытые ярко-розовым лаком. Казалось, она поняла, что сделала ошибку, и соображала, как ее исправить. Наконец она придумала:

– Я неправильно выразилась. Я хотела сказать, что Элен не сразу удалось бы побороть свое увлечение. Думаю, что в первые недели ей было бы даже хуже, чем прежде.

– Ну что же, – сказал Генри, – все это очень интересно, однако версию о самоубийстве мне придется по некоторым причинам отклонить.

– Почему же она умерла? Как это случилось?

– Ее отравили. Кто-то подлил ей цианистый калий в чай.

– Понятно, – задумчиво протянула Марджори. Похоже, это сообщение не потрясло ее. – Бедная Элен... А может быть, она сама отравилась?

– Может быть, да только вряд ли, – сказал Генри. – Во-первых, она не оставила записки. Во-вторых, уж очень неподходящий выбрала она для этого момент – в самый разгар работы. В-третьих, кто-то явно обыскивал ее кабинет: перерыты не только бумаги, но и личные вещи мисс Пэнкхерст.

– Личные вещи? – Марджори удивленно подняла глаза. – Что вы имеете в виду, инспектор?

– Если хотите, можете зайти и убедиться. Кстати, вы смогли бы объяснить кое-что...

Марджори встала и направилась к двери, ведущей в кабинет Элен.

– Она еще там?

– Нет.

Генри заметил: мысль о том, что она может увидеть тело Элен, не вызвала у Марджори ни испуга, ни боли. Она просто задала вопрос. Открыв дверь, она немного постояла на пороге. Затем с легкой улыбкой обернулась к Генри.

– Мне кажется, я могу кое-что объяснить: прежде всего я готова согласиться с вами, что Элен была убита...

– Почему вы так решили?

– Потому что она не доделала работу, – Марджори указала на раскиданные в беспорядке бумаги. – Элен никогда бы не бросила парижский выпуск, не закончив. Если бы ее кабинет был в идеальном порядке, подписи к фотографиям и листы макета аккуратно вложены в конверт вместе с отпечатанными на машинке указаниями для наборщиков, я бы могла подумать, что Элен покончила с собой. – Помолчав, Марджори взглянула на лист бумаги, все еще торчавший из машинки. – Кстати говоря, инспектор, теперь мне придется самой подготовить все для типографии, и по возможности быстрее.

– Понятно, – сказал Генри. – Я постараюсь вас не задерживать. Прошу вас, продолжайте: что еще вы можете сообщить?

– Еще я могу сообщить, что ее кабинет никто и не думал обыскивать. Элен всегда работала среди такого хаоса, особенно когда спешила. Затем она педантично убирала все, – и, указав на разбросанные по столу кипы бумаг, Марджори добавила:

– Здесь ведь собраны материалы всего шестнадцатистраничного номера.

– Ну а чемодан?

– Чемодан не ее, а моей секретарши, мисс Филд. Она только вчера вернулась из Парижа.

– Почему же она вечером не увезла его домой?

– Из-за мистера Горинга.

– Кто это мистер Горинг?

– Может быть, мы вернемся ко мне в кабинет?

Что-то в голосе Марджори заставило инспектора взглянуть на нее повнимательнее. Он заметил, что она побледнела и оперлась рукой о стол, чтобы не упасть.

– Извините, инспектор, здесь слишком жарко.

– Да, конечно, – согласился Генри. – Давайте вернемся.

Марджори уверенно прошла в свой кабинет. Она уже овладела собой.

– Мистер Горинг, – объяснила она Генри, – наш директор. Кстати, он скоро здесь будет. Я сразу же позвонила ему.

– Буду рад с ним встретиться. Но какое отношение он имеет к чемодану секретарши?

Марджори коротко и точно рассказала, как Годфри Горинг появился ночью в редакции и пригласил к себе всех сотрудников.

– Кроме мисс Пэнкхерст?

– Ей ведь нужно было подготовить номер.

– Значит, вы все поехали к мистеру Горингу и у него...

– У него сидели приятели – Николас Найт, художник-модельер, и владелец крупной фирмы Горас Барри. Мы выпили по бокалу шампанского, а затем шофер мистера Горинга развез нас по домам.

– Вас всех?

– Всех, кроме Николаев Найта и мистера Барри. У Найта – своя машина... Да, он еще подбросил домой мисс Филд, так как им было по пути. Они вдвоем уехали немного раньше нас. Баркер, шофер, сначала доставил Терезу и Майкла в Челси, а затем меня на Слоун-стрит. После этого он должен был отвезти мистера Уэлша в Айлингтон.

– Который был час, вы не помните?

– Без десяти три, – не задумываясь, ответила Марджори. – Войдя в дом, я сразу посмотрела на часы.

Генри задумался на минуту, потом сказал:

– Боюсь, что мне придется задать вам еще много вопросов, мисс Френч. Прежде всего, можете ли вы сообщить какие-нибудь подробности о личной жизни мисс Пэнкхерст: кто были ее близкие, где она жила и так далее. Мы еще не успели сообщить ее родным.

– Насколько мне известно, семьи у нее нет. – Марджори снова закурила. – Ее родители умерли. Кажется, где-то в Австралии у нее есть замужняя сестра. Жила Элен в Кенсингтоне, в одной квартире с Олуэн Пайпер, тоже нашей сотрудницей, редактором отдела искусств. Элен проработала в журнале десять лет. Она поступила к нам секретаршей и сумела выдвинуться. Работником она была отличным, я бы сказала..., более деловитым, чем некоторые другие.

– У нее были враги среди сотрудников?

– О нет! Ее побаивались – она строгая. Элен очень хорошо писала, но не обладала чувством моды. Впрочем, это вам уже неинтересно.

– Что еще, кроме романа с Майклом Хили, вам известно о ее личной жизни?

– Личной жизни у нее не было, – решительно и быстро ответила Марджори, – Элен была целиком поглощена работой и связана только с теми, кто работал здесь. – Марджори на мгновение запнулась. – Я отдаю себе отчет, инспектор, что означают мои слова. Если Элен была убита, это сделал один из нас. Но кто и почему – не могу понять.

– Подумаем сначала – как она была убита, – сказал Генри. – Может ли кто-нибудь в редакции достать циан?

– Боюсь, что это совсем несложно. Циан всегда есть у нас в кладовой. Его используют для осветления фотоотпечатков. Майкл может вам подробнее рассказать...

– Выходит, взять его скорее всего мог кто-то из работающих в фотостудии?

– Не обязательно. Все мы заглядываем и в фотостудию, и в темную комнату. У нас такой порядок: каждого нового служащего мы обязательно предупреждаем относительно циана и

показываем, где он хранится и как выглядит бутылка, – специально, чтобы предотвратить несчастный случай.

– Разве яд у вас не заперт?

– Обычно его запирают. Но иногда мы нарушаем правила. В таких случаях, как вчера, например. Майкл как раз делал отпечатки, и я припоминаю, что шкаф был открыт. К слову сказать, этот шкаф находится в той самой комнате, где мы завариваем чай, и в течение вечера мы все заглядывали в эту комнату. Все, кроме мисс Филд да еще самой Элен. Они, по-моему, ни разу не выходили. Что касается остальных, любой из них мог преспокойно налить в термос яд.

– Благодарю вас, мисс Френч, – сказал Генри. Он был очарован ясностью ума этой женщины и четкостью ее ответов. Она все предугадывала, заранее предвидя любой поворот. Такая могла стать либо бесценным союзником, либо очень опасным противником. Кто же она? И как бы в ответ на эту мысль Марджори сказала:

– Я хочу помочь вам, инспектор. Я отдаю своих сотрудников в ваше распоряжение. Ведь вы, я полагаю, захотите поговорить со всеми, кто был здесь прошлой ночью?

– Да, разумеется, – Генри заглянул в записную книжку. – Давайте проверим, все ли у меня записаны. Вы, Тереза Мастере, Майкл Хили и Патрик Уэлш. Ах да, ваша секретарша, мисс Филд. Есть еще кто-нибудь?

– Дональд Маккей тоже был здесь. Он помощник Патрика, нашего художественного редактора. Дональд ушел немного раньше нас. И Эрни был тут чуть ли не до полуночи... Эрнест Дженкинс, лаборант. Он работает в темной комнате. Да, я еще забыла Олуэн...

– Олуэн – это мисс Пайпер? Та девушка, вместе с которой мисс Пэнкхерст снимала квартиру?

– Да, да. Она пришла после спектакля написать рецензию.

– А вы не знаете, когда она ушла?

– Представления не имею. Она была у себя в кабинете около половины первого. Я велела ей отправляться домой. Но одному богу известно, сколько она там еще просидела. – Помолчав, Марджори закончила:

– Пожалуй, это все.

– Не считая мистера Горинга.

– Годфри? Но постойте, как же он...

– Я полагаю, он вполне мог заглянуть в темную комнату, прежде чем зашел в ваш кабинет?

– Да, возможно..., но...

В этот момент в коридоре поднялся ужасный шум: драка, свалка, раскатистый окрик сержанта: «Сэр, я запрещаю вам!...» Но все это перекрыл громовой бас:

– Прочь с дороги, ничтожество! Только посмейте не впустить меня в мой собственный кабинет!

– Но старший инспектор велел...

– К чертям старшего инспектора! Если вы сейчас же не отойдете от двери, я вам кости переломлю!

Марджори Френч улыбнулась и спокойно заметила:

– Патрик пришел.

– Слышу, – и Генри улыбнулся. – Взгляну-ка я, пожалуй, в чем там дело. Сдается мне, сержант нуждается в подкреплении.

Сержант и впрямь нуждался в подкреплении. Раскинув руки, как распятый, он загоразживал дверь с надписью «Вход строго воспрещен» от наседавшего на него верзилы в твидовом костюме. Буян сразу заметил Генри.

– А вы откуда взялись, черт вас возьми? – накинулся он на него. – Кто вы такой?

– Старший инспектор Тиббет, – отрекомендовался Генри. – А вы, я полагаю, Патрик Уэлш?

– Правильно, черт возьми, полагаете, – ответил Патрик. – Будьте так любезны, прикажите вашему остолопу, чтобы он отошел от двери и пропустил меня в мой кабинет!

– Вот этого-то я и не сделаю, – невозмутимо ответил Генри. И после небольшой, но напряженной паузы сказал:

– Дело в том, что здесь произошло убийство. Будьте добры, пройдемте вместе со мной в кабинет мисс Френч.

– Убийство? – Вся ярость Патрика мгновенно испарилась. Он затих, его длинные руки безвольно повисли. – Почему же мне никто не сказал? Кого убили?

– Элен Пэнкхерст была отравлена сегодня ночью, – сообщил Генри. – Уже после того, как все вы ушли.

Патрик сник и неожиданно заплакал. Уткнувшись лицом в стену, он застонал:

– Элен, милая... Элен, моя красавица... Этого не может быть... Элен...

– Патрик! – Голос Марджори Френч стал острым, как бритва. Патрик сразу замолчал, и Марджори мягко сказала:

– Возьми себя в руки, Патрик. Иди ко мне в кабинет.

Уэлш послушно, как ягненок, пошел за ней следом.

– Если я вам понадобится, инспектор, – сказала Марджори, вновь появившись на пороге, – я буду в кабинете мистера Горинга – этажом выше.

Когда Марджори поднялась наверх, оставив после себя легкий запах дорогих духов. Генри вошел в ее кабинет и закрыл дверь.

Патрик Уэлш уже овладел собой. Вспышка угасла. Он сидел неподвижно и даже глаз не поднял, когда в комнату вошел инспектор. Генри кашлянул.

– Мистер Уэлш, я попрошу вас, – начал он официальным тоном, – сообщить мне все, что вам известно.

Патрик медленно отошел от окна. Он тяжело опустился на стул и провел рукой по лицу.

– Извините меня, инспектор.

– Я вижу, это было для вас большим ударом.

– Да..., да...

– Расскажите, что здесь происходило прошлой ночью. – Простой ночью? О, мы тут все передрались!

– Передрались?

– Да. Марджори считала, что мы должны поместить не меньше трех платьев. Но я не мог позволить, чтобы...

Генри вздохнул.

– И это вы называете дракой – чисто профессиональные споры?

Патрик удивился:

– А из-за чего еще нам драться?

– М-да... Когда вы в последний раз видели мисс Пэнкхерст?

– Днем во время ленча. Я пригласил ее позавтракать. Должен же был кто-то позаботиться о бедняжке.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего! – снова окрылся Патрик. – Я никому не позволю лезть в чужие дела и болтать гадости про Элен. Особенно теперь, когда ее нет в живых.

– Элен нравилась вам?

– Я любил ее, – просто ответил Патрик.

– Знаете ли вы кого-нибудь, кто плохо к ней относился?

– Нет. Ее все любили.

– Включая Майкла Хили и Терезу Мастере? – мягко спросил Генри.

Патрик так и подскочил.

– Что вам тут наболтали? – крикнул он. – Что вам надули в уши?.. Сплетники, подлецы. Все это ложь..., вранье. Сдохнуть мне на этом месте, если я говорю неправду!

– Мистер Уэлш, о чем вы говорите? – с притворным удивлением воскликнул Генри. – Я просто спросил у вас, хорошо ли относились к Элен Тереза Мастере и Майкл Хили, – вот и все.

– Нет, это вовсе не все! – крикнул Патрик. – И больше я не пророню ни слова.

– Отлично, – согласился Генри, – потолкуем о чем-нибудь другом. Например, о цианистом калии. Где он хранится?

– В шкафу с химикалиями. В темной комнате.

– Вы мне его покажете?

– Пошли.

Одна из дверей кабинета Марджори вела прямо в художественную редакцию. Эта большая светлая комната была сплошь уставлена чертежными столами, а стены ее украшали увеличенные фотографии и вырезки из журналов.

– Все эти помещения сообщаются между собой, – объяснил Патрик, – и все они выходят в коридор. – Он приоткрыл еще одну дверь в дальнем конце художественной редакции и объявил:

– Темная комната.

Патрик зажег лампочку, и при ее тусклом свете Генри увидел маленькую комнатку, стены которой были тесно уставлены шкафами. В комнатке было три двери. Одна из них, тщательно завешенная портьерой, по-видимому, вела в фотолабораторию. Какие-то отпечатки еще плавали в раковине у стены, а на полу под раковиной поблескивал электрический чайник. Патрик обвел комнату рукой:

– Это кладовка. Здесь у нас все хранится – бумага, химикалии и прочее. Не спрашивайте меня, где стоит циан, – я не имею об этом ни малейшего представления.

Но Генри не потребовалось много времени, чтобы обнаружить яд. Все шкафы были отперты, но только один был заполнен темно-коричневыми пузырьками и туго набитыми бумажными мешочками. Он сразу же заметил бутылочку, на этикетке которой было написано красными буквами:

«Цианистый калий. Яд». Бутылочка была пуста.

– Я возьму ее, – сказал Генри, – нужно исследовать отпечатки пальцев.

Патрик пожал плечами.

– Поскольку она пустая, у меня нет возражений. Надеюсь, у нас есть еще циан.

Генри заметил в углу два чемодана.

– Чьи это?

– Терезы и Майкла, – сказал Патрик. – Вчера вечером они вернулись из Парижа.

Патрик явно потерял интерес к разговору и с внезапно вспыхнувшим раздражением произнес:

– Ну, у меня дел по горло. Когда наконец можно будет приступить к работе?

– Очень скоро, – отозвался Генри. – Только вернемся на минутку в кабинет мисс Френч. –

И уже там спросил:

– Вы смогли бы узнать термос мисс Пэнкхерст?

– Еще бы, кто его не знает? Элен не расставалась с этой посудой, особенно Когда работала по ночам.

– А не могла она вчера оставить термос без присмотра?

– Вчера он весь вечер торчал в темной комнате, – тотчас же ответил Патрик. – Я думаю, Эрни заварил для Элен свежий чай и забыл отнести. – Он грустно улыбнулся. – Нас всех можно заподозрить, все мы шлялись туда то и дело, и любой из нас мог налить в чай цианистый

калий. – Он помолчал. – И, пожалуйста, не обижайте меня вопросом: «А откуда вы узнали, мистер Уэлш, что ее отравили добавленным в чай цианом?» Ведь, по существу, вы сами мне это сказали.

– Вполне согласен. Ну а теперь расскажите о том, как вы ездили вчера к мистеру Горингу. Патрик фыркнул.

– О чем там рассказывать? Дурацкая затея. Если бы я мог, я бы сразу удрал. Не такое уж удовольствие глоточками отхлебывать шампанское в обществе женоподобных юношей и скороспелых богачей.

– Кого вы имеете в виду?

– Николаев Найта и Гораса Барри, – пренебрежительно ответил Патрик. – Не знаю даже, кого из них я презираю сильнее. Ради великого бога рекламы, Годфри, возможно, обязан быть с ними вежливым. Но почему мы все должны...

– Расскажите мне, что там у вас случилось.

– А я уже все рассказал – ничего особенного. Мы выпили по бокалу и немного поболтали, тщательно обходя опасные темы. Потом мне все это осточертело, Майклу тоже. И мы выдали этим пройдохам – Найту и Барри – несколько теплых слов. Вы не представляете себе, инспектор, каким я иногда бываю грубияном.

– Отчего же, очень даже представляю.

– Как бы там ни было, вскоре они отчалили и прихватили с собой Рэчел Филд. Остальные...

– Расскажите лучше об «опасных темах».

– Будь я проклят, если расскажу о них, – снова рассердился Патрик. – Почему, вместо того чтобы искать убийцу, вы суετε нос в чужие дела?

Генри вздохнул.

– Ладно, поговорим позже, когда вы успокоитесь.

– Из всех, кто работает в этом сумасшедшем доме, – загремел Патрик, – я самый спокойный, – и, хлопнув дверью, он удалился в художественную редакцию.

С любопытством проводив его взглядом. Генри отправился на пятый этаж.

В отличие от редакции «Стиля» эта часть здания выглядела более деловито. Табличка на двери, перед которой стоял Генри (дверь вела в комнату, находившуюся над кабинетом Элен), сообщала: «Директор-распорядитель». А на двери комнаты, соответствующей кабинету Марджори, было написано: «Нет входа». Генри догадался, что это и есть обитель Горинга.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, сразу вошел. Годфри Горинг и Марджори Френч стояли у окна, спиной к дверям. Когда они поспешно обернулись к Генри, он увидел на их лицах то выражение, какое бывает у людей, застигнутых врасплох: тревогу – много ли удалось вошедшему подслушать? Заметно было также, что Марджори очень огорчена.

Но это было лишь мимолетное впечатление. Оба они мгновенно обрели обычное спокойствие.

Горинг протянул руку.

– Дорогой инспектор... – он, казалось, был сильно расстроен, но, как выдавший виды деловой человек, умел скрывать свои чувства. – Марджори рассказала мне всю эту ужасную историю. Я понимаю, что мы... – он запнулся, – что вы должны беспрепятственно проводить расследование. И все же я вынужден просить вас дать нам возможность как можно скорее приступить к работе.

– Я как раз собирался поговорить с вами об этом, – ответил Генри. – Боюсь, что кабинет мисс Пэнкхерст придется на время закрыть. Но если мисс Френч спустится туда со мной, она может забрать все нужные бумаги. Я должен также опечатать и кладовую. Когда все это будет сделано, сотрудники смогут приступить к своим обязанностям. Мисс Френч любезно обещала и мне предоставить убежище, где бы я мог беседовать...

Горинг кивнул.

– Очень приятно иметь дело с таким деловым человеком, – сказал он с принужденной улыбкой.

– Вы здесь пробудете еще часок? – спросил Генри. – Мне бы очень хотелось потолковать с вами.

– Не беспокоитесь, инспектор, я не убегу, – в голосе Горинга не было ни враждебности, ни иронии.

– Вот и отлично, – бодро сказал Генри. – Значит, мы еще увидимся. Идемте вниз, мисс Френч?

В кабинете Элен было так же душно и тяжело, как раньше. Но на этот раз Марджори не выказала признаков слабости. Она быстро и со знанием дела разобрала огромные кипы бумаг.

– У нас есть пустой кабинетик за отделом мод, – сказала Марджори. – Там вы сможете устроить свою штаб-квартиру.

Комната, в которую она отвела Генри, была маленькой и мрачной, с крошечным окном, выходящим на грязный двор. Полы покрыты дешевым линолеумом.

– Здесь неказисто, но удобно, – коротко сказала Марджори. – Всех, кто вам понадобится, можно вызвать по телефону. На столе есть список номеров внутреннего коммутатора. Если я буду нужна вам, я у себя. – И прежде чем Генри смог поблагодарить ее, она исчезла.

Он сел за стол, раскрыл записную книжку и стал изучать свои записи. Затем позвонил сержанту, распорядился освободить из заточения сотрудников редакции и попросил прислать к себе Эрни Дженкинса.

– Его, кажется, еще нет. А остальных, стало быть, можно выпустить? – проворчал сержант. – Ну, ну. Такого вы еще не видавали, сэр.

Вскоре Генри услышал гул голосов, докатившийся до него, подобно волне прилива. Пронзительные, возбужденные женские голоса – писк, восклицания, хихиканье. На площадке четвертого этажа шум достиг апогея, затем волна прибоя разделилась на потоки, хлынувшие по отделам. Самый шумный из них бурлил возле отдела мод. Эрнест Дженкинс все еще не появлялся, и Генри высунулся в коридор. Первая, кого он увидел, была племянница его жены – Вероника Спенс. Она входила в дверь отдела мод вместе со стройной, хорошенькой девушкой в сером фланелевом костюме. Обе громко, возбужденно щебетали.

– Вероника! – окликнул Генри.

Девушка обернулась.

– Дядя Генри! – воскликнула она. – Так это правда, слышишь, Бетти, значит, правда, если дядя Генри здесь! – она бросилась ему на шею. – Господи, я так перепугалась, когда нас заперли внизу. Как я рада, что ты здесь!

Генри решительно стряхнул руки племянницы. Коридор заполнила толпа самых элегантных женщин, каких ему когда-либо приходилось видеть. Они говорили все одновременно:

– Мало ли, что хочет Тетушка. Макеты...

– Подумать только – Элен! А я всегда...

– Эти полицейские и за людей нас не считают... Как нужно одеться для допроса? Мне кажется, хорошо одетый подозреваемый привлекает к себе...

– Сегодня Днем мне нужны только ярко-красный «ягуар» и две овчарки...

– Кто же будет делать номер? Мы с Элен должны были...

– Ах, дорогая, я не позволю зарубить норку. Я прямо заявила Тетушке...

Генри спросил у племянницы резче, чем собирался:

– Что ты здесь делаешь, Ронни?

– Как что? Работаю, – ответила она. – Сперва пересъемка для миссис Мастере. Потом – хлопчатобумажные платья для Бет. Это Бет Конноли, редактор отдела «Стиль молодых».

– Здравствуйте, мистер Тиббет! – Бет Конноли сморщила носик. – Боюсь, что вы попали к нам в неудачный день. Сегодня у нас сущее столпотворение. – Бет пленительно улыбнулась, и у Генри сразу испортилось настроение. Дьявольски трудно, наверно, вести расследование, когда имеешь дело с такими очаровательными, но легкомысленными созданиями. В этот момент Бет Конноли, повернувшись к высокой блондинке, принялась отдавать распоряжения:

– Мэрилин, сейчас же позвоните фирме «Барри-мода» и отмените заказ на белые кружева. Достаньте побольше золотых браслетов и несколько ниток речного жемчуга. Для Вероники нужны синие лакированные туфли. Сообщите в студию, что мы начнем после полудня. И чтобы к этому времени все манекенщицы были на месте! – Тут она снова обернулась к Генри:

– Извините, мне нужно было распорядиться перед сеансом.

Генри устыдился своего поспешного суждения. Похоже, что эта девушка настоящий специалист в своем деле. И отнюдь не легкомысленное существо, как ему подумалось вначале. Он спросил:

– Могу я забрать на несколько минут Веронику?

– Пожалуйста. Она мне не понадобится до полудня. – И, улыбнувшись, Бет удалилась в отдел мод.

В убогом кабинетике Генри и его племянница сели друг против друга за стол.

– Дядя Генри, это правда? Ее убили?

– Боюсь, что да.

– Убийство? У нас в «Стиле»? – Глаза у девушки стали огромными, как блюдца.

– Нам еще ничего не удалось установить окончательно, – сдержанно заметил Генри. – Кстати, Ронни, ты могла бы мне помочь... Ты всех тут знаешь?

– Нет, не всех. Я знаю только Бет, мисс Мастере, ну и Майкла.

– Майкла Хили, фотографа?

– Ага. Мы все вместе были в Париже... Да и еще, конечно. Тетушку. Но его все знают.

– Тетушка? Кто это?

– Патрик Уэлш, художественный редактор. Он душенька. Все величают его Тетушкой..., конечно, за глаза. Он так орет на всех, – добавила Вероника.

– Успел в этом убедиться, – с чувством отозвался Генри и поглядел в свои записи:

– А знаешь ты его помощника, Дональда Маккея?

К удивлению Генри, Вероника покраснела.

– Да, – ответила она смущенно и принялась сосредоточенно разглядывать острые носы своих туфель.

Зазвонил телефон, и Генри поднял трубку.

– Эрнест Дженкинс пришел, – усталым голосом доложил сержант.

– Пришлите его ко мне, – приказал Генри. И, повесив трубку, обратился к Веронике:

– Мне надо срочно поговорить с этим малым. Увидимся позже. Ты идешь в студию к двенадцати?

– Нет, к половине двенадцатого. Мне еще нужно успеть положить грим.

– По-моему, на тебе и так уже достаточно грима, – сухо заметил Генри.

Вероника снисходительно улыбнулась.

– В Париже все девушки были с мертвенно-белыми лицами, а глаза подведены черным. Губная помада коричневая, а контуры губ тоже черные. Я привезла с собой немного этой помады.

– Если ты думаешь, что это сделает тебя более привлекательной... – брюзгливо начал Генри, но спохватился и решил не продолжать. Впрочем, продолжать и не пришлось – за дверью снова разразился скандал. Сперва кто-то постучал в кабинет. Не успел Генри сказать: «Войдите!», как прогремел рев Патрика:

– Олуэн! Что вы затеяли, черт вас возьми? Звучный низкий женский голос ответил:

– Я собираюсь повидать инспектора и рассказать ему...

– Будь я проклят, если вы ему хоть что-нибудь расскажете.

– Войдите! – крикнул Генри.

Дверь приоткрылась, но ее тут же захлопнули.

– Пустите меня, нахал! – Голос женщины стал тонким, в нем слышались слезы. – Пустите, говорю вам. Я все равно войду.

– Что вы делаете, идиотка! Поймите...

– Ой, больно!

Дверь снова приоткрылась и захлопнулась. Спор тем временем привлек всеобщее внимание, распахнулись все двери, в коридоре громко зазвучали голоса – сердитые, возбужденные, успокаивающие.

– Кажется, – заметил Генри, – мне пора выяснить, что там творится. Посиди-ка здесь.

Он взялся за ручку и изо всех сил толкнул дверь. С помощью Олуэн ему удалось пересилить Патрика. Дверь распахнулась, и Олуэн Пайпер буквально упала к его ногам. За ней виднелся разъяренный Патрик, позади мелькали чьи-то лица, раздавались голоса. В их смутном гуле Генри различил сопрано с аристократическими модуляциями:

– Она спятила! Остановите ее. Тетушка! Я не могу... Другой голос, который он смог различить, принадлежал молодому мужчине, судя по выговору, жителю предместья.

– Сержант велел мне прийти, велел прийти, говорю вам...

– Что здесь происходит? – грозно спросил Генри.

– Эта сумасшедшая девчонка решила сделать из себя посмешище, а я хочу ей помешать. Вот и все! – буркнул Патрик.

– А я хочу, чтобы вы не вмешивались в чужие дела, – сказал Генри, помогая Олуэн подняться. – Вы, вероятно, мисс Пайпер, редактор отдела искусств?

– Да, – ответила она с вызовом.

Генри всмотрелся в нее внимательнее: серьезное молодое лицо, слегка съехавшие в драке набок очки, коренастая фигура и полное отсутствие шика. Он заметил также, что Олуэн плакала и вот-вот заплачет опять.

– Вы должны позволить мне поговорить с вами, инспектор, – взмолилась Олуэн, хватая его за руку.

– Олуэн! – не унимался Патрик. – Я вас предупреждаю! Если вы..., хоть одно слово...

– Мистер Уэлш! – повернулся к нему Генри. – Вы ведь даже еще не знаете, что хочет сообщить мне мисс Пайпер.

– Знаю – целый ворох идиотского вранья.

– Ничего подобного! – крикнула Олуэн. – Это вовсе не вранье!

– Я должен выслушать мисс Пайпер, – решительно заявил Генри. – Мистер Уэлш, если вы не удалитесь, мне придется позвать своих людей и вывести вас силой. Эрнест Дженкинс здесь?

– Вот он я, – певуче отозвался парень из предместья. – Сержант велел мне...

– Знаю, знаю. Мне очень жаль, но вам придется подождать. Побудьте в темной комнате, пока я вас не вызову. Всех остальных попрошу РАЗОЙТИСЬ!

Патрик немного помедлил, пристально вглядываясь в лицо инспектора. Он угрожающе наклонил голову, словно и впрямь хотел броситься на Генри с кулаками. Затем, поборов себя, Патрик поднял голову:

– Я вас предупредил, теперь не жалуйтесь! С этими словами он резко повернулся и ушел. Разошлись по своим комнатам и остальные, молчаливо, покорно. Генри вернулся к себе.

– Ронни? – окликнул он.

Но его племянницы там уже не было.

Глава 4

Олуэн Пайпер села и залилась слезами. Генри стало жаль девушку, он предложил ей носовой платок. Но та решительно покачала темноволосой головой и из довольно потрепанной сумки достала свой платочек.

– Ну как вы, успокоились? Можете разговаривать?

– Да, – не очень уверенно ответила Олуэн.

– Для вас это, должно быть, страшный удар. Вы ведь снимали квартиру вместе с мисс Пэнкхерст?

Олуэн молча кивнула.

– Вы ладили с ней?

– Да. Во всяком случае, до тех пор, пока Майкл... – запинаясь, выговорила Олуэн и снова заплакала.

– Почему вы так стремились повидать меня? Что вы хотели мне рассказать?

Не услышав в ответ ничего, кроме всхлипываний и рыданий. Генри добавил:

– Послушайте, мисс Пайпер, я уже все знаю о романе Майкла Хили и Элен.

Для Олуэн это известие оказалось полнейшей неожиданностью. Она тотчас перестала плакать и глянула на Генри, широко раскрыв глаза:

– Все знаете? Откуда?

– Неважно... Не знаю я лишь одного – имеет ли это какое-либо отношение к ее гибели?

– Конечно, да! – не задумываясь, выпалила Олуэн. – Он погубил ее! Он ее просто убил! Элен была в отчаянии. Я слышала, как она говорила, что покончит с собой...

– Ваша подруга Элен и не собиралась кончать с собой, – сказал Генри. – Она была убита.

– Убита? – запинаясь, повторила Олуэн. – О нет, нет..., этого не может быть. Кто мог ее убить?

– Это я и хочу узнать... А теперь, будьте добры, расскажите мне все, что вам известно об Элен и Майкле Хили.

– Это началось месяцев шесть назад. Элен вдруг стала уходить по вечерам, а куда – не говорила. Раньше она так не делала. Я не сразу обратила на это внимание, ведь по роду своей работы я вечерами обычно в театре. Но дальше больше... Я..., я очень переживала. Я ведь просто обожала Элен, мы так дружили.

– Она намного старше вас, не так ли?

– Да, больше чем на десять лет. Но это не имело значения. Она была удивительным человеком... Пока не началось все это.

– Когда она познакомилась с Майклом Хили?

– Самое смешное, что она знала Майкла и Терезу очень давно – гораздо раньше, чем меня. И сперва, когда я ее спрашивала, где она пропадает вечерами, Элен отвечала, что ужинает у них. Мне было немного обидно, я чувствовала себя одинокой, брошенной, но ни о чем, таком я не подозревала. Только злилась, что эта парочка так завладела Элен. Потом однажды вечером, когда предполагалось, что Элен у них, я встретила в театре Терезу. Тогда я поняла, что Элен где-то с Майклом, – Олуэн шмыгнула носом. – Когда она вернулась домой, я спросила ее как бы между прочим: «Ну как там Тереза?» Элен ответила: «Да ничего, мы втроем отлично поболтали». Это было ужасно: я поняла, как давно она меня обманывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.